

Иван Лукич снова улёгся на диван. «Не худо бы умереть от подагры» — подумалось ему. — «Все достойные люди умирают либо от подагры, либо уж на худой конец от чахотки. Нет, тут ведь надо сперва заболеть...» И тут он вспомнил про крысиный яд, который вот уже много лет хранился у горничной в буфете. Иван Лукич почему-то посмотрел на часы и достал яд из буфета. «Однако не мешало бы сперва пообедать».

— Тимофей, распорядись-ка, братец, насчет обеда, — сказал он лакею и сел сочинять предсмертное письмо. В нём он признался во всех своих грехах, и прежде всего, в краже зеленой палочки. В этом месте ему удалось даже слегка окропить бумагу слезами... Хотя письмо и вышло несколько длинным, Иван Лукич остался доволен. Затем он вывалил в камин содержимое корзины для бумаг, отодрал от чистой тетради заглавный лист и написал на нем «Дневник». Этот лист он слегка опалил огнем из камина. «Пусть думают, что я сжег дневники» — решил самоубийца. Завести дневник Иван Лукич собирался всю жизнь, но не в силах побороть лень, он так и не написал ни строчки.

Принесли обед. Иван Лукич поставил склянку с крысиным ядом во главу стола, и все время не сводил с нее глаз. Как ни старался он есть медленно, обед все же подходил к концу. «Вот останется в тарелке еще на пять ложек, приму яду, а если на шесть или больше — то нет» — размышлял он, вперив взгляд в тарелку, и тут же, устыдившись своего малодушия, решительно дрожащей рукой быстро доел содержимое тарелки, громко стуча ложкой. Затем он схватил склянку, мигом проглотил яд и запил гадость водкой. Пока убирали посуду, Иван Лукич стоял, отвернувшись, у окна и курил, стараясь не выдать своего трагического состояния. Оставшись один, он снова лёг на диван и стал ожидать смерти.

Прошел час, а чудный белый потолок продолжал, как ни в чем не бывало, вышатыряться над головой Ивана Лукича. И по нему облаками плыли стеклистые червячки. Время от времени Иван Лукич раздраженно посматривал на часы, но жизнь оказалась привязчивой, как бессонница, и смерть все никак не шла к нему. В конце концов, Иван Лукич заснул. Но смерть не пришла и во сне. Зато вернулась домой жена и жизнь потекла в привычном русле.

Эпilog. Иван Лукич прожил до неприличия долгую жизнь. Да и кончилась ли она по сию пору, сказать трудно, поскольку мёртвым его так никто и не видел.

Утро писателя

Посвящается Юрию Нагибину

Умеренно известный писатель Гонорис Казуаров мучительно проснулся. Творческий запой стал оставлять свои неизгладимые следы не только на внешности и брюках литератора, но также и на его богатом и уникальном внутреннем мире. Участились случаи блаженного отупения, именуемые в народе словом «инсайт». Стала подводить и память. Вот и теперь, лёжа поперек дивана и удручённо свесив голову вниз, писатель в муках пытался восстановить события прошедшего дня. Бессвязные фрагменты казались продолжением кошмарного сна. Помнилась, как вечером он с поэтом Блудосевым выкуривал из ванной какую-то строптивую подругу, подсовывая под дверь горящую расческу. Но чем дело кончилось — никак не вспомнилось. А до этого? Бутылки, бутылки, бутылки... Кто-то стакан разбил, собака... А потом этот Козлократов, смешной старик, приехал не то с внучкой, не то с любовницей. А потом у редактора... Так это мы редактору статуэтку загнули? Э, нет, статуэтку мы в «Антиквар» возили. А какого же черта к

— Ну, ладно, не рыдай, — успокоила Крысяка, — А то вид у тебя — тоска и удивление. Верно, Степа?

— Мне бы водочки, — прошептал смущенный Степа.

Ему налили. В дверь снова позвонили.

— Ульбрихт вернулся! Скажи, что для него еще водка осталась! Отгородившись от друзей кухонной дверью, Казуаров вышел в коридор и открыл. На пороге стоял участковый инспектор. Реальность последнего не вызывала ни малейших сомнений. В ответ на стеклянно-вопросительный взгляд писателя милиционер поздоровался и деликатно шагнул в квартиру.

— Тут вот бумага... ну, протокол, то есть... насчет соседа вашего.

— Соседа? Это которому жена шею свернула?

— Да нет... то в прошлом году... А этот, который из окна выпал.

— Куда выпал?

— Куда, куда, вниз, конечно! Не сразу же на небо... гы-гы-гы!

— Из моего окна? — хрипло писатель, напряженно вспоминая, когда последний раз падали из его окна.

— Да нет, вроде не из вашего. Из того, что, напротив. В гости к соседке вечером пришел, а тут как раз муж. А может, и не так. Ну, ничего, выясним... Вот здесь подпишите. Вы человек известный, положительный — значит, на вас положиться можно.

— Не надо на меня ложиться, — пробормотал Казуаров и, ничего не понимая, подписал бумагу.

— Виноват, всего хорошего, — закончил участковый и исчез. Повернувшись, писатель увидел беззвучно хохочущие физиономии приятелей, полупросунутые в щель купонной двери.

— Что ж не пригласил шерифа-то? — спросил Люмпюштейн.

— Вот еще! С ментами тусоваться! — возразила Крысяка.

— А что, каждый человек по-своему интересен, — вставил Казуаров.

— В анатомическом театре, — закончил Люмпенштейн. — Ты как, Степа, думаешь, а?

— Мне бы водочки, — поднимая на Люмпенштейна невинные детские глаза, проселестел Степа.

Ему налили. Тотчас же раздался очередной звонок в дверь.

— Ну, это уж слишком, — занял Казуаров, которому все никак не удавалась найти себя во времени и в пространстве.

— Ты чего?

— Да вот опять звонят.

Друзья перемигнулись. Казуаров пошел открывать. На этот раз в дверях стояла белая обезьяна. Она приходила уже не в первый раз, и писатель знал ее в лицо. Обезьяна укоризненно погрозила писателю пальцем и собралась что-то сказать, но тот отчаянно затряс головой. Обезьяна нехотя улетучилась. «Я еще зайду-у-у», — донеслась с лестницы.

— Ну, Мопассан, хватит педиотикой заниматься, — кладя руку на плечо Казуарову, сказал Вагинян, — держи стакан и рыбку съешь. Сразу человекукам станешь.

— Да, у него уже крыша поехала, — заключила Крысяка, — спасать надо для мировой литературы. А кстати, почему у тебя книга на столе с угла обгрызана? Ты ей закусывал, что ли?

– А в этом что-то есть, – подключился Люмпенштейн. – Что за книга-то? Пиккулы! Ха-ха! Для закуски в самый раз! Признавайся, собака, ты ее ешь или читаешь?

– Отстаньте, это мне надо для работы.

Казуаров смутно помнил, что этой книгой совсем недавно кому-то затыкали рот. Но кому именно – не помнил.

– А сейчас к тебе кто приходил? Может, этот... как его, Сухэ-Батор?

– Не поминай к ночи... А Сакко и Ванцетти у тебя не бывают? Они теперь в Москве СП открыли. «Электробытовые приборы».

– А вот еще, знаешь, СП такое есть с немцами – «Русише швайн» называется. Шпиг, свинина, корейка и все такое прочее. Ну, съешь, съешь рыбку-то. Тебе уже мемуары пора писать. Как думаешь, Степ, а?

– Водочки бы, – заплакал Степа. Ему налили.

– А Горький к тебе не приходит? – продолжал приставать Вагинян.

– О, Горький! Мой любимый писатель, мать его... – откликнулась Крысяка. Раздался звонок в дверь.

– Во, легок на помине, старичок! – загудели все.

– Пора лечиться, – подумал Казуаров, – Ну, ладно, мне кажется, а им? Ничего не соображаю.

Тут он вспомнил, как после мерзкой чачи, которой его под угрозой заклания поили грузинские поэты Какава и Цунгцвадзе, к нему из унитаза явился какой-то неповоротливый тип и заговорил стихами «А, дон Хуан, Ты звал меня на ужин! Вот и я! Привет тебе, привет!» Слава Богу, быстро исчез и больше не появлялся.

На пороге стояла белобрысая пионервожатая. «Да, пора лечиться, а все этот портвейн проклятый», – подумал Казуаров и энергично затряс головой. Но видение не исчезло, а напротив, заговорило:

– Гонорис Аркадьевич! Вы обещали приехать к нам в школу и рассказать о своем творчестве.

– В самом деле?

В прихожую высыпала вся компания.

– В школу! Как трогательно! – схватился за голову Люмпенштейн. – Школа, школа, – ностальгически заломила руки поэтесса, – портфели, рогатки, бюсты Ильича, атомный взрыв в кабинете физики, первая, вторая и четвертая любовь! Ах, все это прошло!

– Гоноря, не поддавайся! Это зомби. Выпей, и все пройдет.

– Сам ты зомби. У людей серьезное дела, не то, что у нас, – вставил Степа.

– Я, конечно, обещал, – проямлил Казуаров, жалобно улыбаясь, – но вообще-то...

– Раз обещал, то надо ехать, – решительно прервал его Степа. Видимо, водка к этому времени оказала на него свое преобразующее действие.

– А что, давай потеки ра... То есть нет! Раз обещал, то поехали, – заявил Люмпенштейн, делая серьезную, а потому особенно шкодливую мину.

Школа встретила компанию духотой, воплями и топотом. В актовом зале уже были приготовлены ряды заматеревших и выносливых школьных стульев. На сцене торжественно установили стол со стулом для главного действующего лица, а позади стулья для коллег. Получилось нечто вроде президиума. После того как зал заполнился пионерами, в первом ряду расселись учителя.

«Выставка попугаев», — подумал Казуаров, тоскливо разглядывая первый ряд. — Вы мне подсказывайте, а то я что-то не того, — шепнул он назад.

— Уважаемый Гонорис Аркадьевич! — звонким и невыносимо радостным голосом начала вожатая. — Мы давно интересуемся вашим творчеством и читаем ваши книги. И вот, теперь мы очень рады, что вы нашли время и приехали к нам. Расскажите, пожалуйста, как проходит ваш рабочий день, а мы с интересом послушаем.

Писатель тяжело вздохнул. В конце зала появилась белая обезьяна. Она крадучись прошла через зал и присела на свободный стул с краю, достала блокнот и ручку и сделала вид, что готова записывать.

— День, говорите, рабочий... — невнятно начал Казуаров, не сводя глаз с обезьяны, — Ну, я встаю... В семь часов.

Сзади ехидно захихикали.

— Встаю, стало быть... Потом завтракаю...

— Чем бог пошлёт, — вставила сзади поэтесса.

— Потом сразу сажусь за рабочий стол...

— Да ну? — прошипели сзади.

Писатель сделал рукой конспиративный жест, призывающий ехидных приятелей заткнуться.

— Вот, значит, сажусь я за стол, — продолжал он, входя в полное оцепенение. Теперь он уже ничего не видел, кроме белой обезьяны, которая слушала его с искренним вниманием и даже записывала.

— Сажусь и думаю, думаю, думаю...

Пауза затянулась.

— О чем же ты думаешь, собака безобразная? — вкрадчиво шепелявил Люмпенштейн.

— Думаю, думаю... кого я сегодня трахать буду?

Обезьяна закрыла лицо блокнотом и замахала руками в приступе беззвучного смеха. В мертвой тишине было слышно, как бьется муха, попавшая в графин с водой в темном красном уголке. Коллеги опомнились первыми. Они бесшумно встали и на цыпочках, синхронно, как в мультфильме, поплыли к выходу. Затем пришел в себя и Казуаров.

— Извините, — хрипло пискнул он, присоединяясь к веренице друзей. Белая обезьяна матросской походочкой побежала из зала. Немая сцена продолжалась. Последнее, что увидел писатель, покидая зал, был широко открытый рот белобрысой пионервожатой и ее же не менее широко открытые глаза. Утро кончилось. Начиная рабочий день.

Поступила в редакцию 22.07.2016 г.